

УДК 327.1 «1740/1843»

*А.В. Бредихин, А.О. Бабик***ЭВОЛЮЦИЯ «ФОЛКЛЕНДСКОГО ВОПРОСА»:
ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ДО БРИТАНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ (1740-е – 1843 гг.)**

Статья посвящена вопросу формирования и эволюции «фолклендского вопроса» – дискуссии о государственной принадлежности одноименного архипелага, а также острова Южная Георгия и Южных Сандвичевых островов с прилегающими морскими акваториями. Согласно данным исследования «фолклендский вопрос» является слагаемым уравнения, в числителе которого находятся территориальные амбиции Великобритании и Аргентины, а в знаменателе – ценность ресурсов, доступ к которым представляет одноименный архипелаг. Аргументируется вывод о том, что почва для «фолклендского вопроса» была заложена за полстолетия до появления на политической карте мира Аргентины – в 1740-е гг., когда творцы внешней политики Великобритании впервые поставили в практической плоскости вопрос о создании военной базы в Южной Атлантике. Имеющая императив постоянного территориального расширения Британская империя нуждалась в плацдарме для усиления своего влияния в латиноамериканском регионе, пребывавшем в подчинении у конкурирующих с Виндзорами испанской и португальской коронами.

Ключевые слова: Великобритания, Аргентина, Фолклендские (Мальвинские) острова, конфликт, колониализм, экспансия.

DOI: 10.35634/2587-9030-2020-4-1-93-100

Введение

«Событие – это пыль» – данные слова, принадлежащие основателю школы «Анналов» Ф. Броделю [2. С. 17], означают, что любое событие (вне зависимости от своего масштаба и значения) может быть понято исключительно с учетом того исторического контекста, в который оно помещено. Соответственно, чем более длительный период принимается во внимание, тем более точный «диагноз» анализируемому событию может быть поставлен.

С учетом указанного, события аргентино-британского конфликта могут быть объективно проанализированы лишь при условии освещения всего периода официальных отношений данных сторон.

Геополитические предпосылки. Являясь морской державой, Великобритания в период становления в качестве колониальной империи требовала контроля над ключевыми точками Мирового океана, соединявшими важнейшие международные торговые пути: Гибралтарским и Баб-эль-Мандебским проливами, о. Сингапур, м. Доброй Надежды, а также сооруженным позже Суэцким каналом. В этот перечень входил и Магелланов пролив, который до начала XX в. оставался единственным путем, соединявшим Тихий и Атлантический океаны. Удобным опорным пунктом на пути к нему могли выступить расположенные на расстоянии 463 км от южноамериканского побережья малонаселенные Фолклендские острова общей площадью 12173 км².

Права на контроль над данным архипелагом Лондон обосновывал фактом их официального открытия английским мореплавателем Дж. Дейвисом в 1591–1592 гг.; от англичан острова получили также и закрепившееся название «Фолклендские». Впрочем, аргументы в пользу своих прав на них приводили также испанцы и французы. Отметим, что именно последние назвали острова Мальвинскими, в честь родного для первых поселенцев города Сен-Мало [13. С. 22]. В результате острова неоднократно переходили из рук в руки.

Интенсивное развитие ядра британской мир-экономики диктовало необходимость постоянного расширения периферийной зоны для обретения новых рынков сбыта. Правящие круги Великобритании в еще большей мере обратили внимание на стратегическую значимость Фолклендов. Однако в тот период кастильский двор смог использовать неблагоприятные для Альбиона международные условия, сложившиеся в ходе войны за Австрийское наследство (1740–1748), помешав его планам, по причине чего никаких конкретных мер британцами предпринято не было.

К реализации перспективного геополитического проекта колонизации Фолклендов британцы вернулись лишь в конце 1750-х годов. Однако пересмотр Уайтхоллом своих планов касательно архипелага оказался сложной задачей. Не только необходимость захвата Фолклендов, но даже вопрос ос-

нования на них поселений достаточно неоднозначно воспринимались британским истеблишментом, что значительно замедлило процесс разработки курса Лондона касательно этой территории. В итоге изменения, которые произошли в руководстве государства в конце Семилетней войны (1756–1763), вновь помешали воплощению амбициозных планов в жизнь. Расчет сторонников политики расширения Британской империи на то, что их замыслы будут поддержаны правительством, оказался напрасным. В итоге до конца XVIII в. «Британский лев» не выработал четкой тактики колонизации Фолклендских островов, действия в отношении которых носили ситуативный характер, что и помешало ему закрепиться в Южной Атлантике. И все же значение этой части Мирового океана во внешней политике Великобритании постепенно, хотя и медленно, росло, поскольку ее военная и торговая элита стремилась воспрепятствовать другим европейским государствам в установлении контроля над этим стратегически важным регионом.

По итогам победной для себя Семилетней войны Британская корона обрела широкие территории в Новом Свете: Канаду, Восточную Луизиану и ряд островов Карибского моря. С учетом этого британское руководство снова заинтересовалось Фолклендскими островами. Однако на пути освоения архипелага лежало французское поселение Порт Сен-Луи, что ставило Уайтхолл в затруднительное положение. Постепенно заселение островов обрело характер колониальной гонки между Лондоном и Парижем [4. С. 62].

Обострение колониальной гонки. В условиях постепенного роста напряжения в отношениях между Сент-Джеймским двором и Версалем мирное сосуществование британского и французского поселений на Фолклендском архипелаге стало невозможным. Между колонистами начались столкновения, однако серьезного конфликта удалось избежать, поскольку французы были вынуждены передать свои права на поселение Испанской короне. Отметим, что последняя обосновывала свои претензии на эти территории статьями Тордесильясского (1494) и Утрехтского (1713) договоров.

По мнению же британцев, претензии на острова со стороны Испании были неуместными, соответственно, Уайтхолл продолжал реализацию избранной ранее тактики. Однако недооценка сил Мадрида, выражавшего недовольство британским заселением островов, в 1766–1767 гг. поставила Лондон на грань открытого конфликта с ним, что получило название первого Фолклендского кризиса. Следует отметить, что в тот период позиции Великобритании были серьезно ослаблены внутренними факторами: длительная болезнь премьер-министра У. Питта – Старшего серьезно снизила эффективность правительства. При его отсутствии правящий кабинет так и не смог прийти к общему мнению и принять единое решение относительно дальнейших действий в отношении архипелага. Как виги, так и тори признавали его геополитический потенциал, однако расходились во взглядах на целесообразность и форму его использования. Первые видели в архипелаге идеальный плацдарм для расширения влияния «Владычицы морей» в южной части Мирового океана и предлагали создать на нем мощную военную базу. Вторые в свою очередь не считали такой подход перспективным. По их мнению, достаточно было бы препятствовать переходу островов под власть других европейских государств.

Такая ситуация даже стала причиной раскола кабинета на «голубей» (сторонников умеренного курса), считавших целесообразным отказаться от колонизации островов и избежать возможного военного противостояния (лорд Бедфорд, виконт Уэймут, лорд Хиллсборо, граф Гувер, лорд Норт), и «ястребов» (сторонников жесткой линии), отстаивавших наступательную политику (граф Камден, лорд Графтон, граф Шельбурн, Э. Хоук) [3. С. 334–340].

Однако решать проблему все же пришлось: в начале 1770 г. конфликт британских колонистов с испанскими приобрел вооруженный характер. В итоге к зиме того же года дестабилизация ситуации в регионе поставила две страны на грань масштабной войны. События начались как колониальный спор Лондона и Мадрида, однако очень скоро в качестве союзницы Кастильского двора в ход переговоров вмешалась Франция, что значительно осложнило положение Альбиона, который оказался один на один с достаточно мощным франко-испанским блоком, получившим название «фамильного пакта».

Второй Фолклендский кризис

Как и во время первого Фолклендского кризиса (1766–1767), в британское руководство не сформировало единодушной позиции относительно дальнейших действий. Король Георг III и лояльное ему правительство Ф. Нортона склонялись к примирению с государствами «фамильного пакта», тогда как мощная парламентская оппозиция во главе с бывшим премьер-министром У. Питтом – старшим требовала объявления войны. Следует отметить, что в отличие от предыдущего Фолклендского кризиса, во

время которого внешнеполитическая позиция страны была предметом обсуждения исключительно в стенах парламента, события 1770 г. получили широкую огласку. Правительство Ф. Норта могло рассчитывать на дальнейшее пребывание у власти только при условии успешного решения «фолклендской проблемы», что и побудило британские правящие круги к активным действиям.

Учитывая собственное шаткое положение и соотношение сил на международной арене, складывавшееся не в пользу Лондона, премьер-министр Ф. Норт при решении «фолклендского вопроса» был вынужден перейти от силового давления на государства «фамильного пакта» к дипломатическому обсуждению спора с ними. Переговоры проходили в сложной ситуации и продвигались очень медленно, но в критический момент, когда напряжение достигло своего пика, во властных структурах как Великобритании, так и Франции произошли кардинальные изменения. Это позволило избежать войны и найти оптимальный выход из сложившейся ситуации.

Проявив гибкость, официальный Лондон пошел на уступки и в 1774 г. вывел свой воинский контингент с территории Фолклендов. Хотя большинство современников оценивали этот шаг правительства Ф. Норта как дипломатическое поражение, время показало, что такой шаг был лишь логическим продолжением политики тори касательно островов. В целом же такое решение могло удовлетворить все политические силы, поскольку главный конкурент Великобритании – Франция – был вынужден отказаться от колонизации архипелага, что позволило первой сохранить свои позиции, а в перспективе и восстановить выгодный для себя баланс сил в районе Магелланова пролива и Южной Атлантики [6. С. 231-237].

Американская революция. Ситуация в очерченном выше регионе резко изменилась в связи с появлением в Новом Свете игрока, позиция которого внесла в расклад сил перемены не в пользу Альбиона, – Соединенных Штатов Америки. Начавшаяся в 1775 г. революция в 13 североамериканских колониях серьезным образом изменила как внутри-, так и внешнеполитическое положение Великобритании. Неблагоприятное для нее развитие событий заставило Виндзоров на долгое время отвлечь внимание от Южной Атлантики и перенести его в Северо-Западную. В это время участие «Британского льва» в целом ряде войн не давало ему возможности уделить достаточно внимания «фолклендскому вопросу», поэтому англичане ограничились ролью неофициального, но заинтересованного наблюдателя за событиями в Южной Атлантике. В результате Британская корона не смогла предпринять каких бы то ни было шагов в ответ на установление в 1776 г. Мадридом своего суверенитета над Мальвинами, которые стали составной частью Испанской империи.

В этот период главной задачей Уайтхолла в Южной Атлантике по-прежнему было поддержание статус-кво. Благодаря целому ряду последовательных дипломатических мероприятий Великобритании удавалось его реализовывать в течение следующих почти шестидесяти лет.

Победа североамериканских революционеров и провозглашение в 1783 г. независимости США способствовали росту их лидерских амбиций в масштабе всего Западного полушария. Впрочем, падение авторитета британской монархии было остановлено ее победой над Францией в борьбе за колониальное первенство. При любых условиях британцы продолжали следить за обстановкой в Южной Атлантике, стремясь в перспективе усилить свое влияние в этой части мира.

Одним из элементов очерченной политики были британские вторжения в вице-королевство Рио-де-ла-Плата в период с 1806 по 1807 г., в рамках Наполеоновских войн и союза Испании с Францией. Впрочем, неудачи «Владычицы морей» в попытках завладеть испанскими колониями в Южной Америке были компенсированы началом их войны за независимость (1808–1833) [17. Р. 80-81].

Во многом почва для латиноамериканской революции была подготовлена в Лондоне, где в 1797 г. венесуэлец Ф. де Миранда основал масонскую ложу «Лоджио Лотаро». Совместно с британцами испано-американцы сформировали ряд лож и тайных обществ, которые постепенно завоевали поддержку лидеров креольской элиты Испании, таких как Х. де Сан-Мартин и Б. О'Хиггинс, входивших в ложу Кадиса. Кроме того, после потери североамериканских колоний Великобритания активизировала поиски новых рынков, одним из которых была Южная Америка. Рост торгового оборота с ними способствовал усилению их экономической самостоятельности, а опосредованно – и национального самосознания.

В годы, предшествовавшие «майской революции», в будущей Аргентине произошли изменения и в испанской монархии: в марте 1808 г. Карл IV отрекся от престола в пользу своего сына Фердинанда VII. Вскоре после этого Наполеон объявил своего брата Иосифа Бонапарта королем Испании Иосифом I. Элементом сопротивления испанцев французским оккупационным силам была деятель-

ность Центральной хунты, сформированной для правления от имени Фердинанда VII. Эти события нашли поддержку и в колониях, где власть была разделена между креолами и испанцами. Управление южноамериканскими провинциями осуществлялось вице-королями, назначенными испанским королем, а под их руководством – муниципальными советами [1. С. 47].

Неудачи вице-короля Р. де Собремонта в боях с высадившимися в 1806 г. на Ла-Плате британцами и центральная роль в победе над ними лидера народного ополчения С. де Линерса послужили причиной смещения первого с занимаемой должности и назначения на нее второго. С. де Линерс сохранял верность Фердинанду VII и был поддержан креолами, однако в 1809 г. местная «испанская партия» вынудила его уйти в отставку. Данные противоречия привели в январе 1809 г. к конфликту между роялистами и народным ополчением, победившим и назначившим вице-королем своего лидера Б. де Сиснероса [16. Р. 128].

Рост республиканских идей сочетался с сугубо прагматичными требованиями фермеров и торговцев (представленных в основном англичанами) разрушить коммерческую монополию Испанской короны. В результате в ноябре 1809 г. Б. де Сиснерос предоставил британским коммерсантам и «хасенадос» (фермерам, оказывавшим поддержку ополчению) торговые привелегии, несмотря на сопротивление местных ремесленников и торговцев.

При этом авторитет метрополии стремительно рушился: новости о взятии Андалусии французами и падении сопротивлявшейся им Центральной хунты вызвали всплеск народного негодования. В такой же мере авторитет терял и Б. де Сиснерос, в отношении которого крепла оппозиция. Поддержка независимости росла, и было принято решение о созыве «Кабиљдо» (народного совета). В итоге после недели народных волнений, 25 мая 1810 г., Б. де Сиснерос был свергнут, а место колониальной администрации заняла «Первая хунта». Это событие положило начало многолетней борьбе за независимость, в ходе которой хунта завоевала легитимность и смогла преодолеть контрреволюционные силы.

Зарождение аргентино-британских связей. В месяцы, предшествовавшие появлению на карте современной Аргентины, в залив Ла-Плата прибыла эскадра из четырех кораблей Королевского флота под командованием капитана Фабиана. 26 мая он вместе с лейтенантами Перкинсом, Рамсеем и переводчиком Доулингом был принят членами «Первой хунты», представившись главнокомандующим Британской эскадрой [18. Р. 250]. Одновременно А. Макиннот, наиболее влиятельный из местных торговцев, призвал своих соотечественников-британцев оказать поддержку «Первой хунте», «поздравить с переменами и заверить в том, что их коммерческие интересы больше не будут подвергаться угрозе со стороны любых внешних сил» [15. Р. 62]. К моменту начала революции местное британское сообщество, по некоторым оценкам, насчитывало 124 человека, представленных в основном коммерсантами; отметим в этой связи, что именно торговля была главной движущей силой внешней политики Лондона в то время.

Далее последовали либеральные постановления Уайтхолла, касавшиеся свободной торговли с колониями Испании. Первые шаги в этом направлении стали результатом агитации со стороны британцев, после событий 1806–1807 гг. оставшихся жить в Буэнос-Айресе на условиях почетного плена. Поскольку У. Питт – младший сочувствовал взглядам венесуэльского патриота Ф. де Миранды, Р. Каслри и Дж. Каннинг отдали ряд распоряжений, отменивших торговые пошлины для испанских колоний, – как для борьбы с контролировавшей Испанию наполеоновской Францией, так и для открытия новых рынков для британских товаров.

Британские коммерсанты способствовали развитию местной торговли. Примечательно, что в их число входил Роберт Стейплс, который выступил в качестве неофициального британского консула и первым сообщил в Европе новость о Декларации независимости Аргентины [8. С. 50-52].

Важную роль в достижении Южной Америкой независимости сыграл Дж. Каннинг, занимавший должность министра иностранных дел с 1807 по 1809 г. и оказавший глубокое влияние на события в Испании и ее американских колониях. Кроме того, поддержка Лондоном латиноамериканской революции во многом была обусловлена деятельностью венесуэльца Ф. де Миранды, оказавшего влияние на Х. Сан-Мартина и С. Боливара, а первые независимые правительства (хунты) были созданы в Буэнос-Айресе и Каракасе. Именно правительство Каракаса отправило С. Боливара в Лондон в 1810 г. в поисках помощи в борьбе за независимость; его сопровождал А. Белло, который оставался там в течение восемнадцати лет. Просветительская деятельность и знания, полученные в Великобритании А. Белло, как и аргентинским деятелем Д. Сармьенто, оказали огромное интеллектуальное влияние на весь континент.

Ключевой фигурой в становлении и развитии аргентино-британских отношений выступил Б. Ривадавия. Вместе с отцом-основателем Аргентины – М. Бельграно – он в 1814 г. был отправлен в Лондон, где в течение шести лет добивался помощи в деле суверенизации колоний Испании. В течение этого времени он вел переписку с философом Дж. Бентамом, чьи взгляды разделял, а позже реализовал на практике, осуществив реформы судебной системы и государственной службы, церкви и вооруженных сил. В 1821 г. Б. Ривадавия основал Университет Буэнос-Айреса (примечательно, что это произошло на пять лет раньше, чем Дж. Бентам основал Университетский колледж в Лондоне), а в 1826 г. стал первым Президентом Аргентины в соответствии с Конституцией, принятой в том же году [11. С. 134].

С самого начала для Мадрида война в колониях складывалась неудачно. Бескровное отстранение от власти вице-короля знаменовало эмансипацию от Испании жителей того, что в 1810 г. получило название «Соединенные провинции Рио-де-ла-Платы». Ядром этой территории впоследствии стала Аргентинская Республика. Итогом длительной борьбы выступило утверждение 9 июля 1816 г. Конгрессом в Тукумане официальной Декларации независимости. Благодаря этому Х. Сан-Мартин смог пересечь Анды со своей армией и вовлечь роялистов в решающие сражения, укрепив независимость Аргентины.

Таким образом, со времени «майской революции» 1810 г. (а контрабандным путем и ранее) Великобритания поддерживала с Аргентиной значительные и взаимовыгодные торговые отношения. Неудачные английские вторжения 1806–1807 гг. дали толчок свободной торговле и, что более важно, стимулировали местных жителей к независимости.

Во втором десятилетии XIX в. политика Великобритании в Латинской Америке заключалась в расширении международного признания местных молодых государств, перспективных с торгово-экономической точки зрения. По возвращении в офис в 1822 г. из вынужденной отставки Дж. Каннинг продолжал придерживаться этой политики, защищая коммерческие интересы Альбиона и выражая опасения в стремлении Соединенных Штатов отдалить Южную Америку от Европы. Следует отметить, что признание независимости Великобританией Аргентины, а также установление дипломатических отношений между ними, состоявшееся 15 декабря 1823 г., во многом произошло благодаря его инициативе.

Преследуя сугубо личные прагматичные цели, британская община в Аргентине не была чужда альтруизма, вкладывая средства в строительство церквей, школ и больниц. Вклад в развитие двусторонних отношений внес и экипаж исследовательского судна «Бигль», исследовавшего побережье Патагонии, а принимавший участие в экспедиции Ч. Дарвин в докладе правительству сообщил о своих встречах с местными британцами и президентом Х. М. де Росасом [10. С. 243].

В качестве генерального консула в Буэнос-Айрес в марте 1824 г. был направлен Вудбайн Пэриш, позже назначенный временным поверенным в делах и прослуживший на этой должности до 1832 года. В этом качестве он подписал Договор о дружбе, судоходстве и торговле между Великобританией и Соединенными провинциями Рио-де-ла-Платы, обеспечивая также официальное признание их независимости. В тексте договора шла речь о том, что «между владениями и подданными Его Величества, короля Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, и Соединенными провинциями Рио-де-ла-Платы и их жителями будет существовать вечная дружба» [Quot. for: 19]. Со стороны Соединенных провинций договор подписал Мануэль Хосе Гарсия, министр-секретарь департаментов правительства, финансов и иностранных дел Национальной исполнительной власти.

В пафосной речи, произнесенной в парламенте в декабре 1826 г., Дж. Каннинг подвел итог своей деятельности: «Я решил, что если Франции будет владеть Испанией, то это не должна быть Испания с Индиями [Латинской Америкой]. Я вызвал к существованию Новый Свет, чтобы восстановить баланс Старого» [Quot. for: 19].

Активизация роли США. Радикальные изменения политической карты мира обусловили трансформацию и внешнеполитической стратегии Соединенного Королевства, становившегося все более настойчивым в вопросах имперского расширения. Данная тенденция усилилась и вследствие декларации в 1823 г. президентом США Дж. Монро доктрины закрытия американского континента от вмешательства европейских держав. В этой связи британцами роль Фолклендских островов была пересмотрена. Драматизма этой ситуации придавал тот факт, что тремя годами ранее архипелаг вошел в состав Соединенных провинций Рио-де-ла-Платы, с 1828 г. – правопреемника Испании в южной части Латинской Америки. Когда правящие круги США приступили к реализации доктрины Монро, стало понятно, что Фолкленды могут стать одним из объектов американской экспансии [5. С. 9-10].

Уже на рубеже 1820-х–1830-х гг. в британском руководстве стала широко обсуждаться идея включения Фолклендских островов в состав своей империи. Однако тогда этот проект не получил единодушной поддержки правительства. По этой причине Лондон ограничился дипломатическим протестом против установления суверенитета Аргентинской Конфедерации над архипелагом, что в случае необходимости должно было стать поводом для возвращения туда британцев. Таким образом, складывались предпосылки для постепенного превращения Великобритании в обладательницу Фолклендского архипелага [14].

Впрочем, в период 1830-х гг. борьбу за господство в Южной Америке «Владычице морей» пришлось вести не с Аргентиной, а с США. Отдельным эпизодом этого противостояния стали и «фолклендские события» 1831–1833 гг. Суть их состояла в том, что в 1831 г., по причине отказа Аргентины признать права американцев на рыбный и китобойный промыслы в своих прибрежных водах, США поставили под сомнение права Буэнос-Айреса на Фолклендские острова, предложив взамен объявить их территорией, которая никому не принадлежит. На практике это означало бы переход архипелага и прилегающей акватории под контроль США. В этих условиях британское руководство, воспринимавшее посягательства Белого дома на острова как угрозу своим национальным интересам, было вынуждено немедленно вмешаться и перейти от заявлений относительно своих прав на Фолкленды к конкретным действиям [9. С. 51-58].

Радикализация «фолклендского вопроса». Давление, оказанное Вашингтоном на Буэнос-Айрес, предпринятое летом 1831 г., окончательно убедило Уайтхолл в необходимости активизации этого направления внешней политики. В ходе дипломатической борьбы опытные сотрудники Форин Офиса в Аргентине – консул В. Периш и посол Г. Фокс – смогли не только отстоять интересы своего государства в регионе, но и реализовать один из принципов его внешней политики – «найти кошку, таскающую из огня горячие каштаны» [12. С. 86]. Благодаря этому удалось убедить США отказаться от посягательств на архипелаг. Тот факт, что американцы частично разрушили аргентинское поселение и конфисковали оружие колонистов, способствовал созданию основы для перехода островов под временный контроль Британской короны в 1833 году. Все это позволило Лондону сохранить выгодный ему баланс сил в Южной Атлантике.

Стоит отметить, что переход архипелага под военное управление Лондона еще не означал, что британцы окончательно решили вопрос о будущем этой территории и что они имели четкий план их освоения. Более того, до поры до времени смена статуса островов не входила в планы Великобритании. Главная цель англичан состояла в выдавливании из этого региона колониальных противников, что не требовало узаконивания оккупации островов. В итоге архипелаг не получил определенного юридического статуса, а «временное» управление им затянулось почти на десять лет, в течение которых Лондон неоднократно отказывался начинать диалог с Аргентинской Конфедерацией о суверенитете над ним.

Ситуация изменилась лишь в начале 1840-х гг., когда наряду с традиционным геополитическим фактором усилился экономический, связанный с оживлением судоходства в южной части Атлантического океана. Такая ситуация убедила правящие круги Великобритании в перспективности прямого включения Фолклендов в состав империи. Результатом этого стало предоставление ему в 1843 г. статуса колонии [14]. Это ознаменовало резкий поворот в политике метрополии: если десять лет назад британские правящие круги довольствовались фактическим контролем над архипелагом, то теперь эта территория юридически стала частью Британской империи. Получение островами четко определенного юридического статуса должно было бы означать окончательное решение «фолклендской проблемы». Тот факт, что Аргентина не признала суверенитета Лондона над островами, вызвал состояние латентного конфликта в отношениях двух стран, что при определенных условиях грозило перерасти в вооруженное противостояние.

Заключение

Подводя итог, отметим, что появление и развитие в системе международных отношений «фолклендского вопроса» отразили общемировые политические и социально-экономические процессы, имевшие место в Новое время. Некоторое опоздание Англии к началу Великих географических открытий в условиях ее интенсивного экономического развития стало причиной формирования у ее элиты более выраженного экспансивного инстинкта, чем у элиты «классических» колониальных стран. Активизация борьбы за торговое первенство в середине XVII столетия опосредовала активизацию за-

воевательной политики Лондона. Наиболее актуальной задачей для британских правящих кругов выступило обеспечение свободного и безопасного перемещения торгового и военного флотов. Это в свою очередь побудило к созданию новых опорных пунктов в стратегически важных регионах, в том числе в Южной Атлантике, где в то время были сосредоточены важные морские коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альперович М. С. Новая история стран Латинской Америки (С древнейших времен до начала XX в.). М.: Высш. шк., 1991. 286 с.
2. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3 ч. Ч. 1: Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
3. Бур'ян М.С. Фолклендські острови у зовнішній політиці Великобританії (40-і–70-ті рр. XVIII ст.) // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки. К., 2006. № 15. С. 334–340.
4. Высокова В. В. Британская империя: становление, эволюция, распад. Екатеринбург: Волот, 2010. 188 с.
5. Гонионский С. Предисловие // Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка. М.: Прогресс, 1974. 360 с.
6. Гуцол А.В. Европейская колонизация Фолклендских островов в 1764–1774 гг.: истоки конфликта // Историчні записки СНУ імені В. Даля. 2005. № 7. С. 231–237.
7. Гуцол А.В. Мальвинские (Фолклендские) острова во внутренней и внешней политике провинции Буэнос-Айрес (Аргентины) в 1820–1833 гг. // Вісник ЛНПУ імені Тараса Шевченка. 2006. – № 17 (112). С. 51–56.
8. Гуцол А.В. Фолклендские острова в колониальной политике европейских государств (сер. XVIII – XIX вв.) // Всесвітня історія та актуальні проблеми міжнародних відносин: Статті і матеріали. Випуск 1. Луганськ, 2006. С. 50–52.
9. Гуцол О. В. Американо-аргентинський конфлікт 1831 року навколо Фолклендських (Мальвінських) островів та позиція Великобританії // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. 2008. № 15 (154). С. 51–58.
10. Дарвин Ч. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». М.: Мысль, 1977. 540 с.
11. Ермолаев В. И. Очерки истории Аргентины. М.: Соцэргиз, 1961. 588 с.
12. Капитонова Н. К. История внешней политики Великобритании. М.: Международные отношения, 2016. 838 с.
13. Ментешавили И. Ш. Фолклендские острова: история конфликта. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 2005. 66 с.
14. A brief history of the Falkland Islands. URL: https://web.archive.org/web/20071006062402js_/http://www.falklands.info/history/narra.html (Дата обращения: 19.10.2019).
15. Graham-Yooll A. The Forgotten Colony. A History of the English-Speaking Communities in Argentina. London: Hutchinson, 1981. 369 p.
16. Halperin Donghi T. Historia Argentina. De la Revolución de Independencia a la Confederación Rosista. Buenos Aires: Paidós, 1972. 422 p.
17. Hughes B. The British Invasion of the River Plate 1806-1807. How the Redcoats Were Humbled and a Nation Was Born. Barnsley: Pen and Sword, 2014. 240 p.
18. Lozier A. Bernardo: Beresford, Gobernador de Buenos Aires. Buenos Aires: Galerna, 1994. 302 p.
19. Tabbush A. The British-Argentine long-lasting relationship. Reflections on the Bicentenary of the May Revolution URL: <http://www.staff.city.ac.uk/p.willets/SAC/COMMENTS/AT170813.HTM#cite-ref-07> (Дата обращения: 19.10.2019).

Поступила в редакцию 20.10.2019

Бредихин Андрей Владимирович, доктор исторических наук,
заведующий кафедрой всемирной истории
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
ДНР, г. Донецк, ул. Университетская, 24
E-mail: kf.vsemir@donnu.ru

Бабик Алена Олеговна, магистр истории,
аспирант кафедры всемирной истории и международных отношений
ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»
ЛНР, г. Луганск, ул. Оборонная, 1
E-mail: babik2000@rambler.ru

A.V. Bredikhin, A.O. Babik

THE “FOLKLAND ISSUE” EVOLUTION:

FROM THE ORIGINS TOWARD BRITISH COLONIZATION (1740s – 1843)

DOI: 10.35634/2587-9030-2020-4-1-93-100

The article is devoted to the origins and evolution of the “Falkland issue” in the system of international relations, which is discussion about the nationality of the eponymous archipelago, as well as the islands of South Georgia and the South Sandwich Islands with adjacent marine areas. According to the study, the “Falkland issue” is a term of the equation, where the numerator contains the territorial ambitions of Great Britain and Argentina, and the denominator shows the value of the resources access to which is represented by the archipelago of the same name. It is argued that the foundation for the “Falkland issue” was laid half a century before the appearance of Argentina on the political map of the world– in the 1740s, when the creators of British foreign policy for the first time in practical terms raised the question of creating a military base in the Southern Atlantic. The British Empire, which had the imperative of constant territorial expansion, needed a bridgehead to strengthen its influence in the Latin American region, which was subordinate to the Spanish and Portuguese crowns competing with the Windsor.

Keywords: Great Britain, Argentina, Falkland Islands (Malvinas), conflict, colonialism, expansion.

Received 20.10.2019

Bredikhin A.V., Doctor of History, Head of Department of World History
Donetsk National University
Universitetskaya st., 24, Donetsk, DPR
E-mail: kf.vsemir@donnu.ru

Babik A.O., Master of History, Postgraduate Student of Department
of World History and International Relations
Lugansk National University named after Taras Shevchenko
Oboronnaya st., 1, Lugansk, LPR
E-mail: babik2000@rambler.ru